

Гульчера Вахобовна Быкова — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, директор научно-методического Центра лингвистики и межкультурной коммуникации Благовещенского государственного педуниверситета. Она автор целого ряда научных работ по лингвистике, в том числе монографий, учебных пособий и словарей. Как языковед за научный вклад и всероссийскую известность внесена в международную, все-российскую и две региональные энциклопедии.

Рассказы Г. Быковой печатались в литературных альманахах «Амур» и «Приамурье» в 2004–2010. В 2012 отдельной книгой вышел её роман в рассказах «Ника из созвездия Козе-рога», в 2015 — сборник повестей и рассказов «Берега моей реки».

Эссе

По священному кругу гороо

Из цикла «Духовные святыни России»

Давно мне хотелось попасть в Иволгинский дацан, что в тридцати километрах от Улан-Удэ, да всё как-то не получалось.

В этом дацане — бурятском буддийском монастыре — находится нетленное тело известного всему миру Хамбо-ламы XII (его бурятское имя — Даши-Доржо Итигэлов). Это один из выдающихся буддийских подвижников XX века. Сколько раз представлялась возможность поучаствовать в научных конференциях Бурятии, да всё как-то не складывалось. Однажды совсем уж было собралась на фестиваль малочисленных народов Севера, и приглашение из Министерства республики получила, даже билет в Улан-Удэ купила, но поездка сорвалась. Пришлось сдать билет. Опять не судьба!

А тут звонит заведующая кафедрой языков народов Сибири Бурятского госуниверситета Елизавета Фёдоровна Афанасьева:

— Вы больше десяти лет занимаетесь спасением исчезающего языка эвенков, знакомы с ведущими тунгусоведами России, знаете состояние этого языка и культуры. Помогите защититься моей аспирантке-эвенкийке...

Словом, просит согласиться на оппонирование диссертации «Базовые лингвокультурные концепты * в языковой картине мира эвенков и русских». Обычное дело.

— А какие именно концепты? — спрашиваю.

* Концепт (от лат. *conceptus* — мысль, понятие) в лингвистике — смысловое значение, мыслительный образ имени (знака).

— Маин (судьба), куту (счастье) и оми (душа), — отвечает Елизавета Фёдоровна.

«Это сама *маин* мне навстречу!» — подсказывает мне моя *оми*, и я не раздумывая соглашаюсь, хоть и декабрь, конец года, и дел, как всегда, невпроворот: экзамены, зачёты, планы, отчёты... Да Бог с ними, с делами! Исполнить своё давнее желание — это ли не *куту*?

И вот я на священной Бурятской земле. Никогда здесь не бывала, не видывала здешних колоритных мест, не встречалась с людьми, исповедующими загадочный ламаизм — древнюю как мир религию и культуру. Заканчивался белый студёный декабрь. Понятно, что в свободный перед защитой день сама *маин* (судьба) дарит мне встречу с дацаном. Именно туда я теперь и еду.

Хрустальное утро морозно, а воздух девственно чист, как глаза этого прелестного смуглого малыша, что сидит на коленях молодой бурятки, рядом с отцом. Они говорят на своём языке и смеются. Красивый язык. Красивый смех. Красивые сильные люди. Счастливая молодая семья. Над головой высокое индиговое небо. Лучик зимнего солнца, едва пробившись сквозь морозную пелену, заигрывает с ребёнком — отплясывает на упругих смуглых щёчках, слепит блестящие бусинки глаз. Малыш смеётся и машет солнцу рукавичкой из верблюжьей шерсти. Невольно подумалось: «На всех землях одно небо и одно солнце, так почему же не все радуются жизни, как эта молодая бурятская семья? Ведь человеку совсем немного надо для счастья! Зачем убивать друг друга, бомбить дома мирных жителей, загоняя их в подвалы, где холодно, темно и сыро?»

Автобус звонко тормозит на хрустящем снегу у ворот дацана, над которым опрокинулось пронзительно синее небо. Выходим на воздух. Окончательно освободившись от плотной утренней пелены, ослепительно сияет солнце. Сверкает, переливаясь жемчугами, белый загородный снег. Верится, что день будет успешным и принесёт удачу. Ведь не случайно так звал, так манил меня знаменитый дацан, о котором я много наслышана. Да, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Осматриваюсь. Дацан — это обширная территория, огороженная с четырёх сторон деревянным забором, где расположены с десятков причудливо украшенных деревянных храмов (дуганов) и простые, тоже деревянные домики, в которых живут ламы и монахи. Вдоль периметра всей территории дацана проходит священный круг гороо (круг обхода). По этому кругу в определённом порядке установлены крутящиеся красные барабаны (хурдэ) с нанесёнными на них мантрами в виде загадочных золотистых иероглифов. Сразу видно, что это старинные барабаны. Золотисто-жёлтое на красном, да ещё ярко украшенные резьбой и росписью храмы — всё это в лучах ослепительного солнца завораживает, вызывая в душе необъяснимый трепет.

Центром этого экзотического великолепия является мавзолей ламы Итигэлова. Он бывает открыт восемь раз в году. Только в эти дни посетители и могут увидеть Хамбро-ламу. Последний раз это было неделю тому назад. Один из моих сыновей был в это время в Улан-Удэ и посетил мавзолей. Я опоздала. Как жаль...

Ступаю на священный круг гороо. С трепетом касаюсь первых крутящихся барабанов. Проходящего мимо молодого монаха спрашиваю:

— Скажите, чем так знаменит лама Итигэлов?

— А вы что, ничего не знаете о нём?

— Знаю, но очень мало. Всё больше по слухам.

На хорошем русском языке он рассказывает:

— До революции лама Итигэлов был главой буддийского духовенства Восточной Сибири, потом — настоятелем Янгажинского дацана, что недалеко отсюда. Он вообще родом из этих мест. Прославился учёностью, преподавал философию, создал фундаментальный труд по тибетской фармакологии. С тридцати восьми лет и до конца жизни по просьбе лам написал больше пятидесяти книг по буддизму.

Другой молодой монах остановился возле нас и добавил:

— Он был настоящим патриотом России. В Первую мировую войны Итигэлов организовал сбор средств для фронта деньгами, продуктами, обмундированием, лекарствами. В прифронтовой полосе под его руководством оборудовали большой госпиталь, который содержали ламы. Они же и лечили раненых. За помощь фронту Даши-Доржо наградили российским орденом Святой Анны второй степени. Это был великий буддистский подвижник России.

— А вы тоже ламы? — спрашиваю молодых собеседников, одетых в длинные ниспадающие одежды тёмно-бордового цвета.

— Что вы! Нам ещё далеко до лам. Даши-Доржо начиная с пятнадцати лет двадцать три года постигал учение Будды.

— А до пятнадцати чем занимался?

— Он рано потерял родителей. За одежду и скудную пищу пас овец, батрачил у богатых, пока в Аннинский дацан не попал, там и начал учиться. В последующие годы совершенствовался ещё в двух дацанах, получал фундаментальные знания по тибетской медицине. На родину, в Янгажинский дацан, Даши-Доржо вернулся ламой и стал его настоятелем.

Молодые люди раскланялись и поспешили по своим делам, а я направилась дальше по священному гороо. Барабаны-хурдэ расположены не подряд, один за другим, как я себе представляла, а группами по три и более. И они разные по величине — от совсем небольших до среднего и просто огромного размеров. Чтобы такой прокрутить, надо приложить немалые усилия. Храмов на территории дацана — более десятка. Они все отличаются друг от друга, потому что посвящены разным буддистским святым. С гороо можно зайти в каждый храм, что и делают как верующие паломники, так и любопытные, вроде меня. Одни молятся, испытывая религиозные чувства, другие глазают, пытаюсь понять культуру, которая складывалась и прорастала тысячелетиями.

Захожу в очередной храм. Необыкновенно яркий и нарядный снаружи, он также завораживает своим внутренним убранством и тем, что не похож на все остальные, где я уже побывала. Здесь тоже много людей, в том числе монголов. Рассказ местного гида переводится с бурятского поочерёдно на русский и монгольский:

— Однажды на дороге лама Итигэлов встретился с возвращающимся из Монголии ламой Доржиевым. Это было вскоре после Монгольской револю-

ции 1921 года. По легенде, Итигэлов сказал Доржиеву: «Зря вы сюда вернулись. Лучше бы остались за границей. Скоро начнутся аресты лам. Попадёте к ним в руки — в живых вас не оставят». Агван Доржиев, ладивший с советской властью, спросил: «А почему не уезжаете сами?» Итигэлов ответил: «Меня они не успеют взять».

В июне 1927 года Даши-Доржо Итигэлов собрал учеников и сел в позу лотоса. Он дал им последние наставления и закончил словами: «Вы навестите это место и посмотрите моё тело через тридцать лет». Затем попросил их читать для него специальную молитву-благопожелание для умершего. Ученики не осмелились произнести её в присутствии живого учителя. Тогда Хамбо-лама начал сам читать эту молитву, постепенно и монахи подхватили её. Так, находясь в состоянии медитации, Даши-Доржо Итигэлов, согласно буддийскому учению, ушёл в нирвану. В позе лотоса он был помещён в кедровый саркофаг в форме куба и захоронен в земле.

Рассказ потрясает не только меня — всех присутствующих. Мы слушаем переводчика затаив дыхание.

— В 1955 году группа лам тайно от властей извлекла из захоронения саркофаг с телом Итигэлова. Убедившись в неизменности его состояния, провели необходимые обряды, сменили одежду и поместили саркофаг на прежнее место. В 1973 году также осмотрели Хамбо-ламу и убедились в нетленности тела. А 10 сентября 2002 года с группой лам и светских лиц подняли саркофаг с Пандито (Нетленным) Хамбо-ламой и, выполнив необходимые ритуальные действия, перенесли его тело в специально построенный в Иволгинском дацане мавзолей — «Благословенный дворец Хамбо-ламы Итигэлова».

Потрясённые услышанным, посетители храма выходят на улицу, чтобы продолжить путь по священному кругу. Меня мучает вопрос, который я успеваю задать переводчику у самого выхода:

— А почему не всегда можно посетить ламу?

Переводчик объясняет, что это связано с необходимостью уберечь тело Хамбо-ламы от вредных контактов со средой.

— Загадку его нетленного тела пытаются разгадать учёные. Анализ волос, частиц кожи, ногтей показал, что тело имеет характеристики живого человека... Трупного запаха ни при вскрытии саркофага, ни сейчас нет. Саркофаг был заполнен солью, которая местами высушила кожу. Этим объясняют феномен колебания веса ламы (около ста граммов) в дни массовых посещений. Видимо, высушенные ткани или соль впитывают влажное дыхание людей, вес тела поэтому и увеличивается.

— Я слышала, что он дышит и потеет, как живой, — говорю я.

— Это не совсем так. После дней посещения избыточная влага испаряется с поверхности тела, напоминая пот. В первые несколько лет после открытия саркофага тело набирало вес по два килограмма ежегодно. За шесть лет вес увеличился на десять килограммов, сейчас лама Итигэлов весит 41 килограмм. С января 2005 года любые медицинские и биологические исследования тела Итигэлова запрещены по решению высших буддистских властей Бурятии.

Закончив объяснения, переводчик спешит к группе монголов.

«Наверно, это правильно, — размышляю я. — Чудо нельзя объяснить. Монахи пытались мне втолковать, что великий лама сделал всесторонний анализ Пустотности и достиг прямого постижения Пустоты — Великой реальности всех явлений. Традиционной науке это не дано понять».

Стою в одиночестве перед дворцом великого Пандито Хамбо-ламы, сокрушаюсь, что не попала к нему. И вдруг что-то заставляет меня подняться на крыльцо. Я сняла перчатку и коснулась рукой деревянного лотоса, украшающего двери мавзолея. И вздрогнула: дерево было тёплым. Коснулась одной двери, другой, третьей, потом стены, крыльца — они излучали живое тепло. Я прижалась лбом и обеими ладонями к двери и мысленно сказала: «Спасибо, великий лама, за откровение. Я знаю, это твой знак мне, не верующей в тебя. Прости. И благослови Россию, любимую твою и мою Родину. Наступили худые времена. На Украине война. Беженцы. Спаси, закрой и заступи, и защити нас...»

...В апреле 2013 года Иволгинский дацан посетил президент России В. В. Путин, который, по сообщению СМИ, «дважды в духовном уединении общался с Нетленным».